

Весной девятнадцатого года Дали, как только в Экзаменационном дворе закрылись ворота, в столице одна за другой произошли несколько громких событий. Сначала кандидаты из Шуобэя были угнаны татарами, затем в Цзяннани разразился крупный скандал с мошенничеством на экзаменах, а не прошло и десяти дней, как наследный принц был смещён с престола и отправлен охранять Императорскую гробницу, а Первый принц, ведущий войска в Шуобэй, погиб в результате внезапной атаки татар. В обычное время любое из этих событий могло бы потрясти двор и страну, но теперь эта серия ударов оставила всех сановников в полном замешательстве.

Тем временем за девятью воротами дворца атмосфера была крайне напряжённой и пугающей. Тан Цянь, которого позже прозвали Императором У-ди династии Чжоу, в последнее время становился всё более вспыльчивым. Не только прислуга ходила, словно по тонкому льду, но и его многочисленный гарем заметно притих. Несколько дней назад драгоценная наложница Цинь, которой раньше льстили за «живость и очарование», пользуясь милостью императора, устроила в императорском саду «случайную» встречу с государем под предлогом ловли бабочек, но вместо этого была названа грубой, шумной и неестественной, после чего её отправили в Юнсян учиться правилам приличия. Эта трагедия ещё была свежа в памяти, а учитывая множество последующих примеров, когда подношение супа приводило к опале, а появление в покоях императора вызывало неприязнь, все дамы дворца буквально боялись пикнуть, не то что пытаться заслужить благосклонность.

Что же до причин, по которым некогда мудрый и доблестный Тан Цянь стал таким вспыльчивым, то это касалось секрета, известного лишь нескольким приближённым, обслуживающим императора. Дело в том, что после того как Тан Цянь прошлой зимой выздоровел от простуды, он стал страдать от бессонницы и головных болей. Ночь за ночью он ворочался без сна, а днём должен был собирать все силы, чтобы разбираться с государственными делами. Неудивительно, что нервное напряжение было колоссальным. Однако ни придворные врачи, ни глава Медицинской палаты не могли понять причину бессонницы; к тому же Император У-ди, единолично правивший более десяти лет, не мог вырваться из бумаг ни на один день. Даже если бы Хуа То воскрес, даже великий целитель вряд ли смог бы поставить диагноз, способный лишь облегчить симптомы, но не вылечить корень. В итоге оставалось лишь ежедневно сжигать успокоительные благовония и принимать снотворные препараты, чтобы хоть как-то справляться. Однако бессонница Императора У-ди лишь усиливалась: дозы лекарств росли, а эффект падал. Днём он чувствовал себя головным и раздражённым, малейшее неудовольствие вызывало жестокие наказания.

Неизвестно, кто пустил слух, что ухудшение характера Тан Цяня началось в день зимнего солнцестояния, но на фоне новостей о смещении наследника и гибели Первого принца разговоры пошли самые разные: мол, Император У-ди в тот день подвергся воздействию нечистой силы, его, возможно, что-то из злого духа оплело.

Тан Цянь, только что вернувшийся с утреннего приёма, откинулся на мягком ложе, нахмурившись. Ранее в тронном зале он наблюдал, как министры рвут друг друга из-за мелочей, и едва не приказал прогнать этих мелких душонок, думающих лишь о сиюминутной выгоде, биться головой о дворцовые колонны! Они всякий день твердят, что готовы умереть, подавая честные советы, так почему же до сих пор живы? В итоге Тан Цянь единолично решил вопросы на границе. После окончания приёма он открыл доклады, но, пробыв над ними время, достаточное для того, чтобы выпить чашку чая, почувствовал сильное раздражение и ничего не мог взять в толк.

Тан Цянь, конечно, понимал, что его нынешнее состояние крайне опасно. Как правитель страны, он должен был обладать терпением, ведь «управлять великой державой — подобно

приготовлению мелкой рыбы»: как можно позволить себе такую вспыльчивость и небрежность? Однако затяжная бессонница и вызванное лекарствами помутнение в голове делали его неспособным к волевым усилиям.

Секретарь, выбранный для чтения докладов, читал рывками, да и голос был раздражающе скрипучим; непонятно, как его вообще выбрали!

В сердце Тан Цяня вспыхнуло раздражение, он схватил чашку с чайного столика и швырнул её в сторону евнуха. Несмотря на помутнение рассудка, боевая выучка не подвела: чашка со звоном разбилась и угодила прямо в дрожащего молодого евнуха, осыпав лоб осколками и кровью.

Молодой евнух, читавший доклад, и так дрожал так, что голос его дрожал. Он не понимал, в чём провинился, но знал, что разгневал государя. Преодолевая боль, он упал на колени и заговорил вразброс:

— Раб виновен и заслуживает десяти тысяч смертей! Ваше Величество, пощадите! Ваше Величество, пощадите!

В этой династии не было принято кланяться, но положение евнухов во дворце было ниже, чем у служанок, которые в любой момент могли оказаться на императорском ложе, поэтому колени у них были мягкими, словно без костей. Он мысленно стонал: как же дешева жизнь раба, похоже, сегодня его жизнь здесь и окончится!

Стоявший рядом главный евнух Ван вздохнул в душе, сделал шаг вперёд и поклонился:

— Новичок глаза не видел, Ваше Величество, угомонитесь, только не гневайтесь, берегите драконово тело! — В его голосе, несмотря на свойственный евнухам тон, звучали мягкость и спокойствие, вызванные возрастом.

Тан Цянь резко встал и гневно произнёс:

— Ван Банбан, неужели во всём дворце нельзя найти ни одного евнуха, умеющего читать?!

Евнух Ван поспешил успокаивать государя и подал знак. Двое евнухов, стоявших как истуканы, осторожно подошли, чтобы убрать осколки фарфора с пола, дабы случайно не ранить императора. Вдруг раздался тихий вздох «ой», евнух Ван нахмурился, взглянул и увидел, что один евнух порезал руку. Тут другой тихо сказал:

— Позвольте мне.

Тан Цянь замер, резко обернулся и указал на двоих евнухов, коленопреклонённых подбиравших осколки:

— Тот, кто только что говорил, останься и читай для Чжэнь.

Указанный евнух опешил:

— Рабу читать? Но раб...

Тан Цянь нетерпеливо оборвал:

— Но что? Разве ты не знаешь иероглифов?

Ведь евнухи, допущенные в кабинет императора, были отборными, не говоря уже о знании четырёх книг и пяти канонов, они как минимум должны были уметь читать.

Когда этот несчастный евнух произнёс длинную фразу, евнух Ван и остальные заметили, что речь его мягка и обладает неким невыразимым свойством, заставляющим чувствовать особенное умиротворение, невольно хочется слушать ещё и ещё.

До того как Тан Цянь поразила эта бессонница, он мог считаться человеком с острым слухом и зрением. Услышав сейчас всего лишь три тихих слова, он почувствовал это глубже, чем евнух Ван. Ему казалось, что голос этого малого евнуха подмешан с крючками, или похож на щёточку из овечьей шерсти, что чешет от уха до самого сердца, и поднимающийся зуд странно переключал его внимание, заставляя многодневную раздражительность словно уменьшаться, и ему хотелось непременно слушать этот голос ещё. Итак, он только что прервал речь малого евнуха, но в следующее мгновение уже сказал:

— Что копаешься? Неужели не читаешь скорее!

Малый евнух вопросительно взглянул на евнуха Вана, но тот не смотрел на него, а стоял, опустив голову, выражая покорность действиями. Тут снова раздался нетерпеливый голос Тан Цянь:

— Все вы уходите, глядя на вас тошнит. И ты, Ван Баобао, тоже.

В кабинете остались только Тан Цянь и малый евнух. Чтение евнуха сначала было сковано и застенчиво, но вскоре он вошёл во вкус и стал действовать с лёгкостью. Тан Цянь закрыл глаза, и его нахмуренные брови медленно разгладились. Он прослушал один доклад и обнаружил особенность малого евнуха. Его голос был слегка нежен, ритм произношения был особенным, ни быстро, ни медленно, и в совокупности это создавало голос, от которого тело становилось мягким, а кости — расслабленными.

Тан Цянь невольно заслушался, и когда малый евнух закончил читать одно прошение, он вдруг с удивлением обнаружил, что только что ничего не услышал.

Он извинительно кашлянул, взял доклад, пробежал глазами, и первоначальная раздражительность в душе утихла, он почувствовал, что уже давно не был так спокоен.

В этот день, отправляясь ко сну, Тан Цянь внезапно вспомнил об этом малом евнухе и спросил евнуха Вана:

— Как имя того малого евнуха, который сегодня читал доклады?

— В ответ Вашему Величеству, ребёнка этого зовут Ши Нин.

Тан Цянь кивнул и сказал без особого интереса:

— С этих пор пусть он будет внутренним слугой при Чжэнь.

На самом деле Хань Сю не был человеком этого мира. Изначально он был несчастным прямым наследником знатного дома из Великой Цзинь четыреста лет спустя, рождённым с красотой, подобной весенним цветам и осенней луне, избалованным и не знающим мирских забот. Однако счастье было недолгим: отец был втянут в дело о мятеже, его прямая ветвь рода погибла, дом разрушился, сам он был приговорён к кастрации, а затем, по непонятным причинам, попал в низшее сословие «подлых», прожил в тумане более двадцати лет и в итоге

не избежал трагической гибели, став пешкой в чувствах своего сводного брата по отцу, которого он прежде презирал, — Хань Ицю, и его возлюбленного, которые позже прославились на весь мир.

Возможно, из-за неясной смерти его душа даже не была принята в чертоги Ямы. Когда он снова обрёл сознание, то обнаружил, что его душа сохранена системой из будущего; эта система пообещала ему, что, если он выполнит определённое количество специфических заданий, он сможет вернуться в свои юные годы и начать всё сначала.

А его задачей было исполнить желание того, кого он заменил.

<http://bllate.org/book/17715/1655400>